

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„КОЛОКОЛЬ“.

38.45.5.24a

Первая библиотека.

С. С. Арнольди.

1.— КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТЬ БУДУЩЕЕ?

2.— Изъ рукописей 90-хъ годовъ.

МОСКВА

1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

1.—Кому принадлежит будущее?	3
2.—Изъ рукописей 90-хъ годовъ:	
Тогда и теперь.	160
1. Тридцатые годы	162
2. Теперь.	178
Задача и долгъ.	193
Пожеланія на новый 1898 годъ	196
Аннибаловы клятвы.	202 204
Насущные вопросы.	211 214
Недоразумѣнія	221 227
Отвѣтъ Жюлио Гюрэ	232 235
Пестрыя заботы и социализмъ	247

утопическіе идеалы Сент-Симоновъ, Фурье и Оуэновъ, созданные ими какъ бы въ защиту отъ «ужасовъ» революціи, позволявшіе имъ писать объ омніархахъ и обращаться къ реакціоннымъ правительствамъ съ предложеніями помочь построенію новаго общественнаго міра, не имѣли подъ собой реальной почвы. Люди 30-тыхъ годовъ были фатально осуждены на то печальное бездѣйствіе и бездѣлье, которое возмущало Лермонтова, потому что для огромнаго большинства изъ нихъ не существовало и не могло существовать никакихъ удовлетворительныхъ идеаловъ. Безнадежный пессимизмъ былъ естественнымъ продуктомъ эпохи. И люди 30-тыхъ годовъ были въ этомъ невиноваты. Они могли только смутно чувствовать боли родовъ будущаго и страдать отъ нихъ. Слова: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединитесь!» были еще не написаны. Юньскіе дни еще не уяснили наглядно, что исторія движется впередъ на почвѣ борьбы классовъ. Научный социализмъ былъ еще въ будущемъ.

2. ТЕПЕРЬ.

Но для насъ нѣтъ этого оправданія. Люди 90-хъ годовъ знаютъ новые идеалы. Передъ ними сіяютъ огненные слова на стѣнахъ разрушенныхъ храмовъ религіознаго преданія; на стѣнахъ дворцовъ самодержавныхъ и конституціонныхъ монарховъ; на стѣнахъ парламентовъ, въ которыхъ соперничаютъ между собой законода-

тели—представители господствующихъ классовъ; на стѣнахъ ученыхъ академій, гдѣ социологи засѣдаютъ рядомъ съ химиками и астрономами; на стѣнахъ биржъ, гдѣ спекулируютъ дѣйствительные цари нашего времени; на стѣнахъ громадныхъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ создаютъ богатства современнаго міра голодающіе пролетаріи; на стѣнахъ жалкихъ жилищъ, гдѣ убаюкиваютъ дѣтей революціонными пѣснями жены этихъ пролетаріевъ.

И эти огненные слова всюду одни и тѣ же. Это заповѣдь: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединитесь!» Это—завѣтъ: старый капиталистическій міръ всеобщей конкуренціи долженъ быть разрушенъ и замѣненъ міромъ всеобщей рабочей коопераціи мозгового и мышечнаго труда. Это—логическое слѣдствіе предыдущаго: современные государственныя формы должны рухнуть, уступить мѣсто новымъ политическимъ организаціямъ, соответствующимъ новымъ экономическимъ условіямъ. Это, вообще—требованіе новаго общественнаго міра, который, для однихъ, есть міръ побѣды труда въ борьбѣ съ капиталомъ, для другихъ—міръ справедливости и нравственныхъ идеаловъ, смѣняющихъ борьбу соперничающихъ интересовъ; для третьихъ—необходимый историческій результатъ эволюціи, подготавливаемый фатально тѣмъ самымъ капиталистическимъ строемъ, который всѣми силами противится его осуществленію.

Это—слова научнаго социализма, которые не

можетъ уже игнорировать ни одинъ современный человѣкъ. Кто не хочетъ видѣть ихъ, но самъ обрекаетъ себя на службу реакціи, которая рано или поздно все таки будетъ затоплена историческою волною. Кто видитъ ихъ, но не становится въ ряды арміи будущаго, тотъ опять таки самъ себя обрекаетъ на внутренній разладъ, на общественную бездѣятельность, на безплодное присутствіе при неизбѣжномъ процессѣ исторіи. Тотъ-же, кто сталъ борцомъ за новый социализмъ, тотъ имѣетъ передъ собою исполнѣ опредѣленный идеаль, исполнѣ ясно начертанный путь, и для него всякое отступленіе отъ этого пути есть уже нравственное преступленіе, историческая измѣна.

Для насъ, русскихъ, задача усложняется. Намъ приходится не только участвовать въ борьбѣ за нынѣшній всемірный социалистическій идеаль. Намъ приходится еще продолжать противъ архаическаго строя ту борьбу, которую намъ завѣщали прежнія поколѣнія русской интеллигенціи, ту борьбу, о послѣдовательныхъ фазисахъ которой я говорилъ на прежнихъ недавнихъ нашихъ собраніяхъ.

Для насъ минуло то время, когда тревожный стихъ Лермонтова отражалъ собою разрушеніе старыхъ политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ и отсутствіе новыхъ. Минуло время, когда вопросъ о смыслѣ религіоз-

наго преданія могъ быть вопросомъ дня для представителей европейскаго идеализма и европейской реакціи, рядомъ съ антирелигіознымъ фанатизмомъ людей, сохранившихъ преданія богинь разума и свободы 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Минуло время, когда Жуковскіе и Пушкины были способны, не возмущаясь, обдумывать вопросъ о возможности примиренія съ абсолютизмомъ, а молодые Бѣлинскіе и Бакунины могли увлекаться гегелизмомъ въ его консервативномъ смыслѣ. Для насъ минуло и то время, когда для нашихъ либераловъ могли сливаться въ одно, не особенно различное по своимъ элементамъ, цѣлое и политическій умѣренный либерализмъ, и пламенный радикализмъ, не смѣшавшій коснуться экономическихъ вопросовъ, и социализмъ Оуэновъ, надѣявшійся на мирный прогрессъ кооперации, и ожесточенная борьба юнѣскихъ дней 1848 года, и кровавая недѣля 1871 г.

Новое поколѣніе дало людей *дѣла*, которые умѣли бороться съ общественнымъ зломъ въ Европѣ подъ краснымъ знаменемъ. Оно дало въ нашемъ отечествѣ тѣхъ, которые реально осуществили пророчество стиха 16-лѣтняго поэта. „Насталъ день“. „Гордые“, хотя „міромъ осужденные“, русскіе люди и русскія женщины взошли на „мѣсто казни“ среди „проклятіи“, „не всѣхъ“ тѣхъ, кто служитъ народу русскому, но „всѣхъ“ „презрѣнныхъ рабовъ власти“, и „кончили жизнь“ „ужасною смертію“, „удивившею чуждые края“, какъ бы повторяя предъ товари-

щами и предъ новымъ поколѣніемъ стихъ поэта
 „Смотри, какъ умираютъ люди.“
 и завѣщая своимъ братьямъ то-же служеніе
 единству мысли и дѣла, ту-же неумолимую
 борьбу съ общественнымъ зломъ, ту-же вѣчную
 месть своимъ палачамъ.

Дѣло, какъ нераздѣльное отъ живого убѣ-
 жденія, дѣло, какъ законченный результатъ зрѣ-
 лой и здоровой мысли, стало передъ нынѣшнимъ
 русскимъ развитымъ читателемъ Лермонтова,
 какъ самое существенное, какъ единственное
 характеристическое его завѣщаніе. Но это—дѣло,
 не оторванное отъ работы мысли; это—результатъ
 ея; и передъ русскимъ развитымъ человѣ-
 комъ нашей эпохи идеалы стараго и новаго
 времени возникаютъ не въ случайной спутан-
 ности, не въ тревожномъ противорѣчій между
 „бесплодной наукой“ и живымъ вѣрованіемъ,
 не въ видѣ „бремени познанія и сомнѣнія“, а
 какъ послѣдовательные фазисы исторической эво-
 люціи человѣческой мысли, каждый изъ которыхъ
 завѣщаетъ намъ духовными нашими предками; какъ
 обязанность историческаго дѣла, имѣющаго свое
 мѣсто въ эволюціи человѣчества и не отрица-
 ющаго другихъ, все расширяющихся идеаловъ.

Спросимъ же себя, не повторилъ ли бы
 поэтъ, оставившій міръ въ началѣ 40-ыхъ го-
 довъ, свое осужденіе окружающаго его поколѣнія,
 если бы онъ воскресъ среди насъ, если бы
 онъ взглянулъ въ людей, которые вымучили у
 другого поэта слова: «бывали хуже времена, но

не было подлѣй»? Что сказали бы онъ о поко-
 лѣніи, которое въ своихъ мыслителяхъ, считаю-
 щихся наиболѣе смѣлыми, въ присутствіи самыхъ
 реальныхъ задачъ, послѣ Герцена и Чернышев-
 скаго, послѣ эпохи Дарвина и Маркса, эпохи
 сравнительной мифологіи и всемірныхъ рабочихъ
 конгрессовъ, находить возможнымъ вернуться
 къ вопросамъ вѣрованій, какъ бы считая авто-
 ритетными слова книгъ, писанныхъ еще тогда,
 когда каждую минуту ожидали конца міра и въ
 облакахъ уже видѣли Новый Іерусалимъ? Какой
 «презрительный стихъ» бросилъ бы человѣкъ,
 требовавшій неумолимаго дѣла, воплощающаго
 столь же неумолимую мысль, на проповѣдни-
 ковъ «непротивленія злу» и на зараженныхъ
 почти повальной трусостью либеральныхъ преем-
 никовъ Бѣлинскаго и Герцена, «ничѣмъ не жерт-
 вующихъ ни злобѣ, ни любви», не способныхъ
 даже энергически поддержать дѣйствительныхъ
 самоотверженныхъ борцовъ за грозное дѣло въ
 пользу народа? Какъ отнесся бы онъ къ тѣмъ
 современнымъ дѣателямъ, которые когда-то сто-
 яли въ первыхъ рядахъ русскихъ социалистовъ,
 можетъ быть и теперь сохранили въ глубинѣ
 души социалистическія убѣжденія, вызванныя въ
 нихъ русскимъ движеніемъ послѣдняго времени,
 но которые въ картинѣ этого движенія тщательно
 прячутъ отъ глазъ европейской публики его со-
 циалистическій элементъ, пытаясь отрицать для
 своего отечества тѣ самыя общественныя побу-
 жденія, которыя составляютъ теперь единствен-

наго прогрессивнаго двигателя исторической жизни? А онъ могъ бы въ еще большей глубинѣ современной тины русскаго общества, еще гораздо ниже, разглядѣть, въ ихъ нравственномъ паденіи, еще болѣе позорный продуктъ нашей эпохи: это тѣ вчерашніе товарищи героев-мучениковъ, которые вымолили себѣ презрительное помилованіе, цѣлуя кровавую руку императорскаго самодержавія, отмаливая свое прошедшее въ православныхъ церквахъ, гдѣ славословятъ это самодержавіе, становясь сами его хвалителями и пачкая своимъ присутствіемъ даже то дряблѣе общество, которое ихъ терпитъ въ своей средѣ.

Можетъ быть, тревожный поэтъ 30-хъ годовъ, взглянувъ въ современность съ тѣмъ художественнымъ угадываніемъ, которое его характеризовало, не удостоилъ бы всѣ эти общественныя болячки нашего времени слишкомъ тщательнаго разбора, но остановился бы охотнѣе на томъ, за что борется небольшое меньшинство русскихъ людей, которые составляютъ единственный живой элементъ будущности нашего отечества; на тѣхъ завѣтахъ прошедшаго и настоящаго, которые были смутны для людей 30-хъ годовъ, но теперь ярко горятъ надъ историческимъ міромъ.

Русскій развитой человѣкъ 90-хъ годовъ унаследовалъ отъ своихъ общечеловѣческихъ предковъ и непосредственныхъ предшественниковъ три завѣщанія, отъ которыхъ онъ не имѣетъ права отречься, не отказываясь въ то же время

отъ исторической жизни человѣчества послѣднихъ вѣковъ; не измѣняя своей обязанности служить своему народу, требующему отъ развитыхъ своихъ членовъ усиленной работы для завоеванія ему надлежащаго мѣста въ современной исторіи; не отрекаясь отъ того движенія, кинутаго теперь во всемъ мірѣ, которое одно можетъ открыть лучшее будущее для насъ, точно такъ же, какъ и для всѣхъ народовъ.

*
* *

Русскій развитой человѣкъ унаследовалъ отъ поколѣній, создавшихъ новую европейскую цивилизацію, неустрашимое историческое требованіе, что новое европейское общество есть общество *свѣтское* и *только свѣтское*; что его теоретическою основою можетъ быть только критическая научная мысль; что эта мысль непримирима ни съ какою уступкою религіознымъ переживаніямъ, метафизическимъ построеніямъ; что научная философія, съ ея реальнымъ пониманіемъ міра и человѣческаго общества, съ ея борьбою противъ всѣхъ призраковъ, есть единственная схема не только всякаго, достойнаго нашего времени, процесса мысли, но единственная прочная почва правильной борьбы съ политическимъ застоємъ, съ экономическою эксплуатациею и со страданіями рабочихъ милліоновъ. Вопросъ о религіи и метафизикѣ не есть теперь даже вопросъ борьбы фанатическихъ партій; антирелигіозный фанатизмъ въ наше время

съ призраками прошлаго есть униженіе человѣческаго достоинства; примиреніе съ общественнымъ врагомъ есть измѣна русскому народу; выступленіе изъ рядовъ борцовъ за соціальныя идеалы есть бѣгство съ поля великой битвы за будущность человѣчества, битвы, которая закипаетъ въ цѣломъ мірѣ.

Поэтъ, въ память котораго мы собрались сегодня, нарисовалъ образъ бѣглеца съ поля битвы. Позвольте мнѣ вѣрить, что отступникъ и измѣнникъ русскому общественному дѣлу встрѣтитъ въ рядахъ всѣхъ развитыхъ русскихъ людей то возмущеніе и презрѣніе, которое встрѣтилъ бѣглецъ Лермонтова въ рядахъ своихъ. Я вѣрю, что прежніе друзья и учителя оттолкнутъ его отъ своего порога; что любимая женщина отвернется съ презрѣніемъ отъ «измѣнившаго своимъ»; что родная мать скажетъ ему: «ты рабъ и трусъ, и мнѣ не сынъ»; что презрѣніе современниковъ и исторіи ляжетъ на его имя.

Люди 30-хъ годовъ, для которыхъ будущее было «пусто и темно» могли *тогда* выражать свою душевную боль тревожнымъ стихомъ и работать лишь въ области *мысли*. *Теперь* предъ новымъ поколѣніемъ стоитъ исполнѣнное *дѣло*, и этому поколѣнію остается выбрать между твердою рѣшимостью бороться за великое историческое дѣло или добровольною слѣпотою къ современнымъ задачамъ, добровольнымъ отреченіемъ отъ исторической жизни, измѣною и завѣ-

тамъ лучшихъ людей минувшаго, и убѣжденіямъ лучшихъ борцовъ настоящаго времени.

18 Ноября 1891 года.

ЗАДАЧА И ДОЛГЪ.

(Прочитано 14/2 ноября 1897 г.)

Дорогіе товарищи.

Вы излишне балуете насъ, стариковъ, вашимъ молодымъ привѣтомъ, вашимъ горячимъ сочувствіемъ. Но еще болѣе вы балуете насъ напоминаніемъ о какихъ-то «заслугахъ». Лишь тогда, когда въ человѣкѣ угасла мысль, когда для него совсѣмъ прекратилась дѣятельность, позволено живому поколѣнію вспоминать о его буд-то бы заслугахъ. Пока онъ живъ, пока жизненная энергія позволяетъ еще дѣйствовать, пока въ груди его не замолкло живое слово, до тѣхъ поръ передъ нимъ стоитъ грозный вопросъ о

томъ дѣлѣ, которое еще не сдѣлано, о томъ словѣ, которое еще не высказано. Передъ нимъ сознаніе, что онъ сдѣлалъ еще слишкомъ мало, высказалъ еще не все, что ему слѣдовало сказать. Передъ нимъ суровый и неумолимый долгъ обществу, который слѣдуетъ уплатить и который онъ никогда не уплатитъ сполна, а можетъ только одно: передать остальную огромную долю этого долга новому поколѣнію.

И на этомъ собраніи, гдѣ молодая русская интеллигенція дѣлаетъ мнѣ честь, посылая мнѣ свой привѣтъ, который мнѣ такъ дорогъ, я позволю себѣ отвѣтить моимъ молодымъ товарищамъ не напоминаніемъ о томъ, какъ люди новыхъ поколѣній социалистовъ-борцовъ послужили и служатъ исторіи, жертвуя благами жизни, страдая за свои убѣжденія. Сколько бы они ни сдѣлали, ихъ дѣло еще не сдѣлано, пока оно не окончено. Сколько бы они ни выстрадали, ихъ страданія ничто передъ страданіями народныхъ массъ, которыя своимъ трудомъ создали современную интеллигенцію, позволяя новымъ поколѣніямъ понять сущность общественнаго зла и выработать въ себѣ энергію для борьбы съ этимъ зломъ.

Да, дѣло еще не сдѣлано.

Много нашихъ товарищей послѣдовательныхъ поколѣній русской передовой интеллигенціи легло въ могилу, продолжая борьбу съ бичами русской земли, и все таки передъ вами, новымъ поколѣ-

ніемъ этой интеллигенціи, остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ объ уплатѣ громаднаго долга русскому народу, какъ передъ интеллигенціей всѣхъ народовъ стоитъ еще не разрѣшеннымъ вопросъ о долгѣ этой интеллигенціи трудящимся массамъ. Надъ русской землей стоитъ бюрократія, деморализующая и массы, и интеллигенцію, насколько онѣ не протестуютъ противъ его на слѣдства. Надъ историческимъ міромъ стоитъ еще капитализмъ, высасывающій изъ массъ всѣ ихъ жизненные силы, насколько эти массы не стремятся организовать въ историческую силу для борьбы съ нимъ. Протестъ и борьба противъ этихъ враговъ есть неоплатный долгъ, лежащій на каждомъ человѣкѣ, держащемъ себя причислять къ той интеллигенціи, которая *понимаетъ*; лежащій на каждой личности, добровольно ставшей въ ряды борцовъ за правду.

Неумолимо движется впередъ исторія. Автоматически падаютъ подъ ея ударами однѣ общественныя формы, чтобы смѣниться новыми. Личныя страсти и личные убѣжденія ничтожны передъ громадными силами, обуславливающими этотъ процессъ. Но, чтобы онъ совершился, необходимо, чтобы его орудіемъ явилась страстная, энергическая, убѣжденная личность. Изъ миллиардовъ этихъ безсильныхъ съ виду маленькихъ единицъ создается неодолима историческая сила, и передъ каждымъ изъ васъ въ каждую минуту исторіи ставится тотъ же грозный вопросъ: что сдѣлалъ и что намѣренъ сдѣлать *ты* для вели-

каго дѣла, которое ты понималъ, хотя бы отчасти? Каково должно быть *твое* участіе въ великомъ процессѣ, около тебя и *въ тебѣ* совершающемся? Истина это или иллюзія, но *ты*, рѣшившійся бороться за правду, *ты*, ставшій подъ знамя лучшаго будущаго, отвѣтственъ передъ твоимъ убѣжденіемъ за то, что ты сдѣлалъ, за то, что ты дѣлаешь, за то, что около тебя и въ тебѣ совершается.

И потому, обращаясь къ вамъ, членамъ русскаго интеллигентнаго молодого поколѣнія, съ благодарнымъ словомъ за вашу братскій привѣтъ, мнѣ приходится повторить снова и снова то, что мнѣ приходилось говорить не разъ въ той или другой формѣ. Не будемъ говорить о заслугахъ: пока бюрократизмъ царитъ въ Россіи, пока капитализмъ давитъ человѣчество, до тѣхъ поръ интеллигенція не имѣетъ права даже думать о какихъ бы то ни было своихъ заслугахъ. Она должна лишь помнить о недодѣланномъ своемъ дѣлѣ. Всѣмъ намъ, старымъ и молодымъ, приходится помнить лишь о *долгѣ*, который намъ надо уплатить.

Постараемся же каждый уплатить хотя-бы долю этого долга, пока не изсякла энергія въ нашемъ тѣлѣ, пока мы въ состояніи мыслить, говорить и дѣйствовать. И пусть затѣмъ неумолимый процессъ исторіи вырабатываетъ изъ нашей мысли, изъ нашихъ словъ, изъ нашихъ дѣйствій тѣ результаты, которые лежатъ внѣ нашихъ еди-

ничныхъ силъ, отчасти и внѣ нашего личнаго пониманія.

Будемъ каждый дѣлать свое дѣло и представимъ нарождающимся или даже еще не родившимся поколѣніямъ оцѣнивать, если онѣ окажутся, наши заслуги.

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ.

(14 июля 1898 г.).

Дорогие товарищи!

Когда вы меня пригласили на это собрание, где вы почтили меня празднованием моего 75-летия, ваш дружеский привет поставил было меня в немалое затруднение. Я не знаю, благодарить ли мне вас или сбитовать на вас, что вы настойчиво обращаете мое внимание на обстоятельство, что я прожил три четверти века. Как хотите, вовсе невесело человеку напоминать, что ему 75 лет. Конечно, против факта спорить нельзя, а все-таки мне очень хотелось обойти это неприятное воспоминание. К счастью, выслушивая ваши почетныя—даже слишком почетныя—для меня речи, я увидел, что вы сами мне помогаете. Многие из вас вспомнили другое, и я хочу вспомнить лишь это. Я игнорирую первые полвека моей жизни и говорю себе: здесь русские социалисты пришли поздравить товарища с тем, что тому 25 лет, как он явно и определенно выступил в рядах армии социалистов; тому 25 лет группа русских социалистов довела его до руководства

— 215 —

русского социалистического журнала. Будем считать мои годы не со дня случайного рождения, а с минуты моего вступления в ту армию, которой, как мы все верим, этому, предстоит завоевать мир. Поговорим об этой армии, какова она была тогда и какова она теперь.

Эта армия представляла тогда несколько иной вид. Я живо помню, как буржуазная пресса за три года перед тем громко и с ужасом насчитывала 4 миллиона сторонников Интернационала, и этот интернациональный характер всемирного союза пролетариев был насущным вопросом для всех; он стоял на первом месте в воображении и сторонников, и противников социалистического движения. Главным органом последнего являлись международные конгрессы. Социалисты всех стран прислушивались с волнением к тем прениям, которые имели место, как на этих всемирных социалистических парламентах, так и на скромной улице Лондона, где председательствовал Карл Маркс в заседаниях Генерального Совета, члены которого выступали как делегаты социалистической мысли в Испании, в Италии, даже в России. Социальная революция, которая была заявленою целью социалистов, могла, казалось, осуществиться всюду лишь в одной и той же форме эволюции пролетариата с его многочисленными секциями, говорившими на всех языках, с его федеральными советами, объединявшими самостоятельныя секции социали-

стических национальностей, съ его верховнымъ Генеральнымъ Совѣтомъ, объединявшимъ, рядомъ съ международными конгрессами, міровой пролетаріатъ. Этотъ міръ секцій федеральныхъ совѣтовъ и Генеральнаго Совѣта, который могъ давать въ международномъ союзѣ мѣсто новымъ секціямъ или исключать изъ союза ту или другую секцію, казался тогда совершенно-естественнымъ новымъ общественнымъ организмомъ всемірной рабочей республики, организмомъ, ростъ котораго долженъ былъ сгладить различія націй и государствъ, разрушая въ самомъ своемъ процессѣ тѣ монархіи и республики буржуазіи, которыя были продуктомъ предшествующей исторіи. Новый появившійся тогда социалистическій органъ считалъ своею обязанностью, рядомъ съ тѣмъ «что дѣлалось на родинѣ» и съ тѣмъ рабочимъ движеніемъ, которое имѣло мѣсто въ отдѣльныхъ странахъ, посвящать въ каждомъ номерѣ обобщающую главу тому движенію, которое имѣло чисто-интернаціональный характеръ и которое было, въ главной своей части, исторіей международныхъ конгрессовъ. Въ эпоху, когда выступалъ этотъ новый органъ, единство Интернаціонала было уже подорвано. На Гаагскомъ конгрессѣ столкнулось централизующее начало Генеральнаго Совѣта съ федеральнымъ началомъ того, что тогда называли «анархизмомъ». Произошелъ великій расколъ въ союзѣ пролетаріевъ, и Генеральный Совѣтъ былъ перенесенъ въ другую часть свѣта, чтобы тамъ просуществовать еще

нѣсколько лѣтъ, потерявъ свое прежнее значеніе. Но этотъ печальный расколъ не былъ нисколько такимъ новымъ фазисомъ эволюціи социалистическаго пролетаріата, который ослабилъ бы единство и международный характеръ движенія, выдвигая на первый планъ мѣстныя его особенности. Вопросъ былъ о томъ, будетъ-ли преобладать въ единомъ Интернаціоналѣ принципъ централизма или федерализма. Рядомъ засѣдали два всемірные, соперничающіе конгрессы, но и тотъ и другой имѣли въ виду задачи не отдѣльныхъ націй, не отдѣльныхъ государствъ, а задачи международного союза рабочихъ всѣхъ странъ. Тотъ и другой стремились къ торжеству всемірнаго пролетаріата въ его единствѣ. Едва ли многіе сомнѣвались тогда, что социальная революція можетъ осуществиться лишь путемъ единаго международного движенія.

Прошло четверть вѣка, и самая постановка вопроса воинствующаго пролетаріата измѣнилась. Генеральный Совѣтъ давно уже не существуетъ. Международные конгрессы социалистовъ продолжаютъ собираться и привлекать вниманіе друзей и враговъ, но и тѣ, и другіе сознаютъ, что не эти конгрессы представляютъ главные органы социалистическаго движенія; они лишь констатируютъ успѣхъ или ослабленіе этого движенія; само-же оно идетъ хотя попрежнему на общей почвѣ социалистическихъ требованій, однако преимущественно въ каждой странѣ особо, соображаясь съ насущными требованіями этой

страны. Въ 1889 г. имѣлъ мѣсто Парижскій международный конгрессъ, на которомъ Вальянъ и Либкнехтъ, при шумныхъ привѣтахъ делегатовъ всѣхъ націй, отъ имени социалистовъ нѣмецкихъ и французскихъ, подали другъ другу руки. Тѣмъ не менѣе, когда послѣ послѣдняго засѣданія конгресса, на частномъ совѣщаніи, поднятъ былъ вопросъ о возстановленіи Интернаціонала и его Генеральнаго Совѣта, этотъ вопросъ не былъ даже обсуждаемъ, но былъ отвергнутъ сразу, какъ несвоевременный. И такимъ во мнѣніи большинства двигателей социализма остается онъ и до сихъ поръ. Интернаціонализмъ всѣхъ социалистовъ есть для новой эпохи аксіома, не требующая доказательства, и обязательная заповѣдь социалистическаго символа вѣры. Но тактика социалистовъ въ каждой странѣ обуславливается преимущественно не этою аксіомою, какъ бы сама собою разумѣющеюся, а особенностями политическихъ и юридическихъ условий въ каждой странѣ, причемъ эти особенности, чуть-ли не всюду, охватываютъ не только растущую армію социалистовъ, но и передовыя группы населенія, еще не усвоившія задачи социализма. Однимъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ для социалистовъ многихъ странъ современной Европы является различное отношеніе социалистовъ этихъ странъ къ парламентаризму, но эта разниа отношеній зависитъ не отъ международного характера социалистическаго движенія, а оттого, что социализмъ, какъ по-

литическое движеніе, по сущности оппозиціонное нынѣшнему буржуазному государственному строю, въ однѣхъ странахъ можетъ стремиться къ усиленію нынѣшняго парламентаризма, какъ удобной формы оппозиціи противъ существующаго строя; въ другихъ же странахъ въ этомъ самомъ парламентаризмѣ социализмъ не можетъ не видѣть главнаго своего врага, самаго полного воплощенія власти буржуазіи, и потому не можетъ не стремиться ослабить этотъ парламентаризмъ, перенося центръ тяжести политическаго движенія въ массы.

Въ Германіи, напримѣръ, организація социалистическихъ партій выработалась всего полнѣе; общая социалистическая задача передачи орудій производства въ руки рабочихъ стоитъ на первомъ мѣстѣ; тѣмъ не менѣе, рядомъ съ этою задачею, передъ нѣмецкими социалистами стоитъ, специально для Германіи, задача, путемъ парламентской борьбы, ослабить и побѣдить правительственный милитаризмъ и бюрократизмъ, причемъ эта послѣдняя задача насущна для всѣхъ оппозиціонныхъ партій Германіи. Поэтому передъ нѣмецкими социалистами естественно поставлена задача усилить парламентъ, какъ удобный для нихъ политическій органъ. Эти условія отсутствуютъ какъ тамъ, гдѣ парламентаризмъ есть главный органъ власти буржуазіи (какъ во Франціи), такъ и тамъ, гдѣ онъ не существуетъ (какъ въ Россіи).

Въ Англіи традиціонный парламентаризмъ вы-

работать политическія привычки, способствующія одинаково и социалистамъ, и не социалистамъ въ ихъ политическихъ цѣляхъ. Предъ англійскими социалистами, какъ и передъ всѣми ихъ единовѣрцами, стоитъ задача обобществленія орудій производства. Но рядомъ съ этимъ они ставятъ и не могутъ не ставить себѣ, какъ насущную задачу, разрушеніе власти Палаты Лордовъ, слѣдовательно и сохраненіе парламентскихъ формъ политическаго союза, при измѣненіи способа функционированія парламента. Эта задача вражды къ Палатѣ Лордовъ, съ одной стороны, сближаетъ англійскихъ социалистовъ съ радикалами и даже съ частью либераловъ англійской буржуазіи; съ другой, ея не существуетъ для всѣхъ странъ, гдѣ исторія не создала ничего подобнаго англійской Палатѣ Лордовъ съ ея многовѣковой политической традиціею.

Въ странѣ, гдѣ мы теперь живемъ, типъ парламентскаго правительства есть, по самой сущности, правительство буржуазіи, и потому трудно ожидать, чтобы когда-либо французскій парламентъ сдѣлался такимъ же оппозиціоннымъ элементомъ, годнымъ для социалистической борьбы, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи. Здѣсь проявляется какъ бы естественное стремленіе социалистовъ и даже всѣхъ передовыхъ партій—ослабить парламентскій элементъ вообще, усиливая непосредственное вліяніе массъ на ходъ событій. Какъ разъ въ настоящую минуту наши французскіе товарищи какъ бы признаютъ это: они

провозглашаютъ, что дѣятельность социалистовъ въ Парламентѣ имѣетъ лишь тогда политическій смыслъ, когда она опирается на организованную *вне*-парламентскую силу объединенныхъ синдикатовъ; они какъ бы готовы свести свою парламентскую тактику на довольно малозначительный минимумъ чисто-социалистическихъ требований, но центръ тяжести борьбы противъ господствующихъ классовъ, обладающихъ орудіями производства, они готовы какъ бы перенести въ федерацію синдикатовъ, т. е. на улицу, въ массы, давленіе которыхъ должно подчинить себѣ парламентъ, неизбѣжно буржуазный. Пожелаемъ имъ успѣха, если дѣйствительно такова ихъ социалистическая тактика. Но и у нихъ существуютъ иныя, уже вовсе не социалистическія, но тѣмъ не менѣе насущныя задачи. Печальная исторія именно той эпохи, о которой я говорю, вызвала во Франціи спеціальныя заботы, отсутствующія во всѣхъ другихъ странахъ, и съ которыми французскіе социалисты принуждены считаться по фатальнымъ условіямъ хода событій. Въ несоциалистическихъ группахъ, передовыхъ, какъ и отсталыхъ, болятъ еще раны недавнихъ политическихъ потерь, опасность со стороны хищнаго политическаго сосѣда остается еще ежеминутною. И вотъ эта боль, эта опасность вызываютъ патологическія явленія. Русскіе социалисты, еще четверть вѣка тому (или даже менѣе) глубоко убѣжденные, что всѣ передовыя группы Франціи имъ сочувствуютъ и раздѣляютъ ихъ

стремленія, съ глубокою болью души пережили недавніе годы, когда, за крайне немногими исключеніями, всѣ политическія группы Франціи, не-соціалистическія и даже соціалистическія, торжественно привѣтствовали представителя того русскаго абсолютизма, который есть и не можетъ не быть непримиримымъ врагомъ не только русскихъ соціалистовъ, но прямо всего того, что въ Россіи способно мыслить и стремиться къ прогрессу. Горько было намъ видѣть это и признать, что насущныя боли и насущныя опасенія Франціи, сближая соціалистовъ и не-соціалистовъ, толкаютъ тѣхъ и другихъ къ задачамъ національной обороны (едва ли не фантастическимъ), которыя роютъ между русскими соціалистами и и большинствомъ французскихъ національных группъ довольно глубокую пропасть, обусловленную не разницей въ отношеніи къ соціалистическимъ задачамъ нашей эпохи, а разницей въ тѣхъ особенныхъ политическихъ и юридическихъ условіяхъ, которыя теперь существуютъ для Франціи и для Россіи. Когда одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ соціалистическихъ ораторовъ Франціи заявилъ передъ Палатою Депутатовъ, что всѣ передовыя партіи Франціи, — въ томъ числѣ и соціалисты, — по самой сущности патриоты, намъ слышалось въ этихъ словахъ не столько правомѣрное стремленіе всякаго гражданина къ тому, чтобы его родина заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ прогрессивной эволюціи человѣчества, сколько грустное для насъ стремленіе скрѣпить противо-

естественный союзъ республики, сохранившей девизъ «свободы, равенства, братства», съ бюрократизмомъ, который душитъ все живое на нашей родинѣ. Будемъ надѣяться, что исторія разсѣетъ эти туманы настоящей минуты, измѣнитъ насущныя задачи нынѣшней Франціи, чуждыя другимъ странамъ, воскреситъ въ нихъ патриотизмъ Лафайетовъ, Дантоновъ и Бабефовъ и позволитъ намъ тогда снова протянуть руку тѣмъ, которые теперь, провозглашая свои республиканскіе догматы, считаютъ себѣ дозволеннымъ быть друзьями русскаго абсолютизма.

Но что можно сказать о нашихъ *русскихъ* насущныхъ задачахъ, не обще-соціалистическихъ, а обусловленныхъ для нашей родины временемъ и мѣстомъ? О задачахъ, не существующихъ внѣ Россіи, но за то и не специальныхъ для соціалистовъ, а стоящихъ со своими грозными требованиями издавна передъ всякимъ желающимъ блага русскому народу? Не будемъ закрывать глаза на то, что мы, русскіе, очень расходимся во многихъ пунктахъ нашихъ политическихъ и соціальныхъ вѣрованій. Культурники вѣруютъ въ возможность трудиться надъ поднятіемъ народной культуры и надъ развитіемъ *подцензурной* литературы, вырабатывая этимъ путемъ силу, которая, въ своемъ ростѣ, разрушитъ деморализующіе элементы нашего общества; тогда какъ революціонеры съ досадою смотрятъ на эту дѣятельность, обреченную, по ихъ мнѣнію, на безсиліе. Организаторы рабочей силы отчасти вѣрятъ еще,

что этот процесс организации может иметь успех на фабриках или даже в деревнях и при настоящем порядке вещей; тогда как некоторые их товарищи уверены, что лишь политическая катастрофа подорвет в его основе этот порядок и может служить надежной почвой рабочей организации; анархисты же отрицают самый план организации, как план скорее вредный для массовых движений, чем полезный. А затѣмъ начинаются несогласія относительно социальной роли фабрики и деревни, относительно союза съ либералами или обособленія отъ нихъ, относительно военного заговора, относительно террористическихъ приемовъ борьбы. Да, многое и въ вопросахъ социалистическихъ, и въ вопросахъ политическихъ вообще раздѣляетъ насъ. Но нѣтъ ли и для насъ въ настоящую минуту общихъ насущныхъ вопросовъ, которые, съ одной стороны, объединяютъ всѣхъ друзей русскаго народа, съ другой—стоятъ только передъ русскими передовыми группами, какъ грозныя требованія минуты?

Да, они есть. Всѣмъ, называющимъ себя социалистами, общи у насъ, какъ и всюду, социалистическія требованія перехода орудій производства въ руки рабочихъ и перестройки политическаго общественнаго организма согласно задачамъ социалистической коопераціи. Но рядомъ съ этимъ русскіе социалисты сознаютъ, что лишь русскій народъ изъ всѣхъ европейскихъ народовъ остается подъ позорнымъ ярмомъ абсолютизма и что

это позорное ярмо остается одинаково реальнымъ препятствіемъ и русскимъ культурникамъ народныхъ школъ, или здороваго литературнаго слова, и русскимъ революціонерамъ, и организаторамъ русской рабочей партіи, и сторонникамъ на нашей родинѣ политическаго заговора или политическаго революціоннаго взрыва, сторонникамъ социалистической пропаганды въ городѣ и въ деревнѣ, тѣмъ, кто рассчитывалъ на русское земство или на захватъ власти. Всюду одно и то же препятствіе; всюду одинъ и тотъ же врагъ. Насущная задача въ этомъ отношеніи для всѣхъ одна и та же. И она специальна для Россіи, такъ какъ *это* препятствіе, въ *этой* формѣ не существуетъ для социалистовъ никакой другой страны. Не мудрено, что намъ, въ этомъ *нашемъ* насущномъ дѣлѣ, нѣтъ союзниковъ, нѣтъ товарищей въ цѣломъ мірѣ. Мы можемъ, мы должны рассчитывать лишь на *себя*. Мы, русскіе люди всѣхъ отѣнковъ любви къ народу, всѣхъ способъ пониманія его блага, должны работать каждый на *своемъ* мѣстѣ *своимъ* орудіемъ, стремиться къ одной цѣли, общей намъ всѣмъ и специальной для насъ русскихъ. Здѣсь грозная обязанность лежитъ на русской молодежи, готовой вступить въ XX вѣкъ и которой предстоитъ создать исторію этого вѣка. Именно она, эта молодежь, имѣетъ предъ собою одну общую задачу, не только социалистическую, но специально русскую. На васъ, русская молодежь XX вѣка, переходитъ великая обязанность предъ собою,

предъ умершими или дряхлѣющими вашими предшественниками, передающими вамъ заѣты прошлаго, передъ перодившимся еще потомствомъ, судьбы котораго зависятъ отъ вашего пониманія и отъ вашей энергіи. Будущая исторія произнесетъ надъ вами судъ по тому, какъ вы сумѣете исполнить эту великую обязанность, эту насущную задачу борьбы противъ главнаго врага земли русской.

НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

(Сказано 12 января 1899—31 декабря 1898 г.).

Благодарю моихъ дорогихъ товарищей за то, что они собрались у меня встрѣтить новый 1899 годъ, но, поздравляя ихъ съ этимъ новымъ годомъ, мнѣ хотѣлось бы воспользоваться случаемъ, чтобы высказать имъ какія-либо хорошія пожеланія.

Я позволю себѣ пожелать всѣмъ намъ устраненія разнообразныхъ умственныхъ и жизненныхъ недоразумѣній, вносящихъ не мало смуты въ нашу мысль и въ наше дѣло. Подобное пожеланіе на первый взглядъ можетъ показаться очень отвлеченнымъ, но если приглядѣться и къ исторіи, и къ нашему времени, то и это окажется, пожалуй, недоразумѣніемъ.

Въ общемъ процессы всѣхъ великихъ историческихъ движеній были направлены на завоеванія народнаго самоуправленія и народной свободы. Однако, теперь мы склонны думать, что въ этой самой задачѣ заключалось нѣкоторое недоразумѣніе; единаго народа ни тогда, ни прежде, ни теперь вовсе не было, а была борьба между.

классами и между группами этих классов за захватъ сильнѣйшимъ политической власти и за болѣеую свободу господствующей группы эксплуатировать классъ подвластный.

Однако, въ обществѣ жило стремленіе оправдать эту экономическую и политическую эксплуатацию, и классъ эксплуататоровъ выступалъ, какъ классъ *понимающихъ и руководящихъ* подчиненныя массы въ силу этого пониманія. Мы — воплощеніе мысли всѣхъ классовъ, говорили они. Мы — *интеллигенція*. И изъ рядовъ массъ, протестующихъ противъ эксплуатации, иногда слышались голоса: мы — народъ, потому лишь, что мы — большинство. Въ силу *этого* наши инстинкты, наши заблужденія должны опредѣлять ходъ исторіи.

И вотъ на нашихъ глазахъ обнаружилась въ одномъ изъ передовыхъ народовъ міра яркая иллюстрація этого будто бы противоположенія массъ и представителей мысли, «народа» и «интеллигенціи». На улицахъ кричали (и еще до сихъ поръ кричатъ): Бей жиновъ! все въ жертву арміи, такъ какъ она — сила! все въ жертву отечеству, такъ какъ лишь его интересы — интересы народа, интересы націи: все остальное враждебно народу! Противъ этой волнующейся толпы гордо группируются избранники культуры, говоря: вотъ ваше большинство! вотъ вашъ народъ! Мы вправѣ противополжить народу не только нашу власть, какъ классъ господствующій, но и наше высшее пониманіе, наше сознаніе, такъ какъ въ насъ лишь способно возродиться гибну-

щее отечество. Господство одного класса надъ другимъ какъ будто получаетъ съ этой точки зрѣнія для мыслящихъ людей не только естественное, но и нравственное разъясненіе.

Однако, дальнѣйшій ходъ событій не совсѣмъ поддерживаетъ это разъясненіе. Въ средѣ самовѣренныхъ представителей идеи, въ которыхъ будто бы воплощается мысль всѣхъ классовъ, происходитъ расколъ. Здѣсь — ученые, мыслители, поэты, академики, которые стоятъ за справедливость, за истину. Но тутъ и другіе ученые, другіе мыслители, другіе поэты, другіе академики, провозглашающіе фетишъ арміи, передъ которымъ слѣдуетъ забыть справедливость, фетишъ отечества, требующій себѣ въ жертву истину. Да и защитники великихъ идей склонны защищать ихъ не какъ руководящія идеи, а подъ формою законности. Нѣтъ ли тутъ недоразумѣнія? Что это за народъ, который не знаетъ солидарности съ людьми изъ народа же, но нѣсколько отличающимися отъ него по формамъ культуры? Что это за интеллигенція, которая ставитъ себѣ фетиши и приноситъ имъ въ жертву идеи, которыя однѣ обусловливали и обусловливаютъ дѣйствительный прогрессъ человѣчества?

Недоразумѣніе, дѣйствительно, оказалось на лицо. Передъ нами вовсе не противоположеніе интеллигенціи и толпы, а старинное противоположеніе двухъ профессій: профессіи либеральныхъ занятій и профессіи ручного труда. Но едва ли въ наше время сколько-либо дозволительно отождествлять термины «толпы» и «интеллигенціи» съ пони-

тіями о какихъ-либо профессіяхъ. Толпа, взволнованная инстинктами и переживаниями, это—вовсе не тотъ солидарный народъ, къ которому обращались учителя новой мысли съ призывомъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» Это—толпа пасынковъ цивилизаціи, лишь въ небольшой своей долѣ организовавшаяся въ тотъ «рабочій народъ», которому можно было сказать: «вставай, подымайся!» для будущаго соціального обновленія. Точно такъ же профессора и академики, сами по себѣ, какъ таковые, не имѣли и не имѣютъ ни малѣйшаго права причислять себя къ «интеллигенціи». Я позволяю себѣ видѣть въ интеллигенціи лишь слугителей идеи развитія и солидарности, какъ бы ни были ограничены фактическія знанія, до которыхъ они дорботались, какова бы ни была сфера общественной дѣятельности, въ которую ихъ поставили обстоятельства. Въ эпоху мистиковъ, сапожникъ Яковъ Вэмъ былъ далеко высшимъ представителемъ интеллигенціи, чѣмъ многочисленные профессора схоластики тогдашнихъ университетовъ, точно такъ же переплетчикъ Варленъ былъ истиннымъ борцомъ за развитіе и за солидарность трудящихся въ борьбѣ съ тупыми дикарями—палачами Коммуны; и теперь иной авторъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ можетъ оставаться фетишистомъ культурнаго быта, тогда какъ далеко выше его въ этой интеллигенціи стоитъ какой-нибудь полуграмотный ремесленникъ, работающій въ немногіе часы досуга надъ

своимъ развитіемъ. Къ тому же самый истинный членъ интеллигенціи въ нынѣшней смутѣ теченій мысли слишкомъ часто рискуетъ невольно отступить отъ служенія развитію и солидарности. Я позволю себѣ поддерживать увѣренность, что лишь тотъ принадлежитъ къ интеллигенціи и настолько принадлежитъ къ ней, насколько онъ жаждетъ развитія и солидарности, насколько онъ работаетъ для ихъ распространенія въ себѣ и вокругъ себя. И въ нынѣшнемъ умственномъ и нравственномъ расколѣ во Франціи лишь тотъ воплощаетъ въ себѣ истинное сознаніе народа, лишь тотъ работаетъ надъ возрожденіемъ своей родины, деморализованной классовой борьбой, для кого и военныя, и юридическія силы, идеи народа и отечества составляютъ не фетишь, требующій закланія справедливости, но болѣе или менѣе цѣлесообразныя орудія борьбы за истинную солидарность и за истинное развитіе, средство осуществленія этихъ великихъ идей. Сегодня такимъ орудіемъ, можетъ быть, служила легальность, хотя, вообще говоря, всѣ нынѣшніе суды суть слуги капитализма. Завтра, можетъ быть, великимъ идеямъ послужатъ военныя силы, если социалисты сумѣютъ создать въ средѣ арміи организацію сторонниковъ и слугителей соціальной революціи. Но всегда и вездѣ эти формы жизни могутъ быть для члена интеллигенціи лишь орудіемъ идейнаго стремленія къ развитію и солидарности. Ни инстинкты толпы, ни профессиональные

интересы культурных групп не могут и не должны обратиться въ фетиши, заслоняющіе для члена истинной интеллигенціи обязанность служить идеаламъ развитія и солидарности. Лишь по недоразумѣнію можно отнести къ арміи интеллигенціи служителей культурныхъ фетишей.

Устранимъ же опасныя недоразумѣнія, существующія и въ жизни русскаго общества. Да убѣдятся русская молодежь, стремящаяся проникнуть въ стѣны университетовъ и встрѣчающая въ этомъ невинномъ стремленіи всякія препятствія, что ни многочисленные экзамены, ни официальные дипломы не даютъ ей еще права считать себя принадлежащей къ интеллигенціи, которая воплощаетъ русскую идейную жизнь, но лишь личныя стремленія къ развитію и къ солидарности съ потребностями русскаго народа. Да убѣдятся наши культурники въ ихъ почтенной работѣ въ школахъ, въ бібліотекахъ, въ попыткахъ поднять уровень народныхъ увеселеній, что эта работа будетъ работою живою лишь тогда, когда она не ограничится обученіемъ грамотѣ и разъясненіемъ физическихъ явленій, но тогда, когда она будетъ готовить въ своихъ ученикахъ людей, жаждущихъ развитія, стремящихся къ развитію и къ солидарности, враговъ существующаго общественнаго зла. Да убѣдятся организаторы русской рабочей партіи, что они работаютъ для всего русскаго народа лишь тогда, когда имѣютъ въ виду не только сотни тысячъ уже объединяющихся русскихъ фабрич-

ныхъ рабочихъ, но и десятки милліоновъ разбѣянныхъ рабочихъ сельскихъ. Да убѣдятся организаторы русскаго оппозиціоннаго движенія, что, борясь противъ ярма бюрократизма, они не имѣютъ права забывать, что въ Россіи борьба съ растущимъ въ ней капитализмомъ не можетъ быть ни на минуту оставлена въ сторонѣ при оппозиціонной организаціи. Всѣ попытки отдѣлать одну отъ другой эти разнообразныя задачи, поставленныя исторіей передъ русской интеллигенціей,—задачи расширенія области собственной личной мысли; задачи культурной работы въ народѣ; задачи организаціи русскихъ рабочихъ и организаціи политической партіи—суть ничто иное, какъ недоразумѣнія, и едва ли можно считать отвлеченностью желаніе устранить эти недоразумѣнія, охватывающія и болѣе обширныя области жизни, и чуть ли не обыденные вопросы. Въ области мелкихъ жизненныхъ цѣлей сама жизнь скоро научаетъ насъ разсчитывать лишь на собственныя усилія для осуществленія пріятнаго и желательнаго. Но оно далеко не такъ въ области жизненныхъ цѣлей высшихъ. Мы склонны надѣяться, что справедливыя идеи воплотятся въ жизнь сами собою лишь потому, что они справедливы: что безъ особеннаго нашего личнаго содѣйствія не только устранятся препятствія, которыя мѣшаютъ дышать нашимъ бѣднымъ либераламъ, но и рухнетъ русскій бюрократизмъ; что сама собою эпоха капитализма смѣнится эпохою социализма. Но едва ли это не очень

вредное и опасное недоразумѣніе, такъ какъ ничто не совершалось въ исторіи безъ энергическаго личнаго дѣла. Едва ли не по такому же недоразумѣнію слишкомъ многіе думаютъ, что социалистическіе принципы для своего осуществленія требуютъ лишь интеллектуальнаго убѣжденія и болѣе или менѣе дѣятельнаго участія личности въ современной коллективной борьбѣ труда противъ капитала. Я позволю себѣ думать, что эти принципы требуютъ еще возможно болѣе послѣдовательной личной социалистической жизни, способной дѣйствовать примѣромъ и на товарищей, и на новыхъ прозелитовъ социализма. А многіе ли изъ насъ, называющіе себя социалистами, не только выполняли и выполняютъ это требованіе, но когда-нибудь сознательно поставили его себѣ, какъ жизненную цѣль?

Но меня пугаетъ расширеніе передъ моею мыслью этой печальной области недоразумѣній; я боюсь и утомить добрыхъ пріятелей, пришедшихъ встрѣтить со мною новый 1899 годъ, и буду доволенъ, если мнѣ удалось лишь убѣдить васъ, что желаніе устранить жизненные недоразумѣнія есть желаніе далеко не отвлеченное.

ОТВѢТЪ ЖЮЛИО ГЮРЭ.

(Изъ книги «Enquête sur la question sociale en Europe»
par Jules Huret).

П. Лавровъ—духовный глава русскихъ социалистовъ. Математикъ, философъ и социологъ, онъ обладаетъ громадной эрудиціей. Онъ былъ профессоромъ въ С.-Петербургской Артиллерійской Академіи съ чиномъ полковника, и съ 60-тыхъ годовъ сталъ оказывать значительное вліяніе на русскую молодежь. Вслѣдствіе опубликованія своихъ, знаменитыхъ въ Россіи, «Историческихъ Писемъ» былъ вынужденъ бѣжать въ Парижъ отъ угрожавшей ему ссылки *). Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у насъ (1870 годъ), онъ сталъ въ открытую оппозицію къ политическому и социальному режиму Россіи и сдѣлался однимъ изъ апостоловъ русскаго социализма. Глубоко уважаемый русскими и польскими эмигрантами, онъ всегда отличался большой скромностью, ведя жизнь, достойную политическаго эмигранта. Въ мірѣ ученыхъ онъ извѣстенъ своимъ крупнымъ трудомъ: «Опытъ исторіи мысли».—По моему

*) Не точно; П. Л., какъ извѣстно, былъ сосланъ 25 го февраля 1866 года въ Вологодскую губ., откуда бѣжалъ 25 февраля 1870 г. (Прим. издат.).

просьбъ, г-нъ Лавровъ, въ отвѣтъ на рядъ предложенныхъ мною вопросовъ, сообразовали мнѣ написать слѣдующее письмо.

Милостивый государь!

Вы предложили мнѣ нѣсколько вопросовъ о внутреннихъ дѣлахъ Россіи. Чтобы отвѣтить на нихъ съ доказательствами въ рукахъ, было бы мало написать цѣлый томъ, что, понятно, не соответствуетъ Вашей задачѣ, да и для меня невыполнимо. Я ограничусь поэтому только нѣсколькими краткими указаніями, не пытаюсь изложить различные фазисы этой крайне сложной проблемы или нарисовать, хотя бы очень неполную картину той борьбы, которая происходитъ на моей родинѣ. Для краткости я буду разбирать Ваши вопросы не въ томъ порядкѣ, въ какомъ Вы мнѣ ихъ предлагали; я тѣмъ болѣе считаю себя въ правѣ это дѣлать, что нѣкоторые изъ нихъ, по моему, повторяютъ одно и то-же, по отношенію же къ остальнымъ вопросамъ я вынужденъ буду ограничиться очень краткими отвѣтами.

1. Последнее прилагается къ Вашему первому вопросу. «Думаю ли я, что революція въ Россіи необходима и неизбежна?»

Я считаю, что все совершившееся въ исторіи должно было неминуемо совершиться, но къ предсказаніямъ будущаго я отношусь очень скептически. Мнѣ кажется, что паденіе русскаго

бюрократизма «фатально» должно совершиться, потому что всѣ цивилизованныя страны избавились отъ этой архаической формы правленія; и я оставляю тѣмъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые заявляютъ себя защитниками самодержавія, обязательную и не особенно пріятную для нихъ задачу, доказать, что наше отечество остается и должно оставаться внѣ движенія современной цивилизаціи. Я вѣрю, что паденіе бюрократіи необходимо для того, чтобы мои соотечественники не потеряли всякаго чувства собственного достоинства, — всякую возможность умственного и общественного развитія, такъ какъ достоинство и развитіе, какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и цѣлой группы, съ теченіемъ времени становится несовмѣстимымъ съ бюрократическимъ режимомъ. (Въ подтвержденіе моего мнѣнія, я могъ бы привести длинный списокъ работъ, при томъ и такихъ, которые открыто продаются въ Петербургѣ и Москвѣ.)

2. Вы спрашиваете: «Не понадобятся ли вѣка, чтобы мужикъ измѣнилъ основы своего міровоззрѣнія. *Богъ и царь*? развѣ не въ нихъ сосредоточились вся его нравственность, всѣ его пониманія общественной жизни?»

Прежде всего замѣчу, что земледѣльческій классъ повсюду, благодаря своему роду жизни, наиболѣе отсталый классъ народа. Нѣмецкіе и французскіе социалисты встрѣчаютъ болѣе всего затрудненій для распространенія своихъ идей въ деревняхъ, между тѣмъ какъ въ городахъ и про-

мысленныхъ округахъ социализмъ такъ быстро прогрессируетъ. Тѣмъ не менѣе возможность большихъ крестьянскихъ возстаній противъ слишкомъ угнетающаго ихъ режима подтверждается исторіей Германіи, Франціи и Англіи въ то время, когда фабричныя рабочіе не составляли главнаго контингента революціонной арміи. Въ Россіи большія крестьянскія возстанія имѣли мѣсто и въ болѣе близкое къ намъ время. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы русскій мужикъ не могъ возстать противъ современнаго режима. Но это возможно при условіи, чтобы инициатива этого движенія принадлежала хорошо организованной партіи въ городахъ. Много можно было бы сказать и о стереотипной фразѣ о «Богѣ и царѣ», какъ врожденномъ культѣ русскаго крестьянина. Кто хорошо знакомъ съ русскими народными поэтическими произведеніями, въ особенности съ той презрительной ролью, которую игралъ въ нашихъ былинахъ св. Владиміръ, предполагаемый или дѣйствительный предокъ всѣхъ нашихъ княжескихъ родовъ— тотъ имѣетъ довольно основаній, чтобы относиться скептически къ этому предполагаемому культу. Русскій мужикъ не больше и не меньше революціонеръ, чѣмъ крестьянинъ любой другой страны. Но онъ нуждается въ землѣ; онъ обремененъ налогами; а русскій абсолютизмъ не можетъ снять съ него это бремя. Нашъ мужикъ будетъ за того, кто облегчитъ ему тяжесть налоговъ, кто дастъ ему землю, въ кото-

рой онъ нуждается. Слѣдовательно... (предоставляю Вамъ самимъ сдѣлать выводъ).

4. «Носить ли русскій нигилизмъ преимущественно политическій или социалистическій характеръ? приближается ли онъ по своему характеру къ взглядамъ Бакунина или къ теоріямъ Маркса?»

До сихъ поръ я совсѣмъ не касался вопроса о социализмѣ въ Россіи. Теперь, когда мнѣ приходится говорить о немъ, я прежде всего долженъ Вамъ замѣтить, что терминъ «нигилизмъ», который Вы употребляете подобно многимъ другимъ, могъ имѣть точный смыслъ лишь въ эпоху теперь уже весьма отдаленную отъ насъ, между тѣмъ какъ русское революціонное движеніе прошло черезъ нѣсколько различныхъ фазисовъ и при этомъ имѣетъ глубокую внутреннюю связь съ другими періодами социальной эволюціи Россіи.

Въ концѣ XVII-го вѣка русское самодержавіе въ интересахъ своей внѣшней политики не только находить полезнымъ устраненіе всякаго рода препятствій, мѣшавшихъ сближенію русскаго общества съ формами европейской цивилизаціи, но, наоборотъ, всѣми силами содѣйствуетъ этому сближенію. Подавивъ всѣ традиціонныя учрежденія, въ которыхъ въ средневѣковой Россіи сосредоточивались болѣе или менѣе независимые элементы, оно открыло свободный доступъ европейскимъ идеямъ въ нашу страну. Всѣ прогрес-

сивные слои, съ жадностью привѣтствовавшіе новую цивилизацію, стали на сторону правительства и позволили ему раздавить всякую оппозиционную организацію; мало того, они ему помогали въ этомъ. Это было какъ разъ въ то время, когда вся Европа увлекалась просвѣщенными деспотами, министрами или королями. Но бюрократизмъ упустилъ изъ виду революціонныя идеи, которыя проникли къ намъ вмѣстѣ съ новыми административными или полицейскими формами, вмѣстѣ съ планами лучшей организаціи армій, вмѣстѣ съ комфортомъ и утонченною роскошью и т. под. Великое крестьянское возстаніе на Волгѣ и французская революція бросили пріятельницу Вольтера и Дидро въ объятія реакции и въ то-же время толкнули русскіе прогрессивные элементы въ ряды рѣшительной оппозиціи. Съ тѣхъ поръ союзъ между абсолютизмомъ и прогрессивными элементами уже болѣе не возобновлялся, и прогрессивное, нравственное и умственное *вліяніе* принадлежитъ въ русской литературѣ *исключительно* тѣмъ писателямъ, которые болѣе или менѣе открыто стоятъ въ оппозиціи.

До 1848 г. оппозиція въ Россіи выступала во имя обычныхъ формулъ европейскаго либерализма. Соціалистическіе элементы проникли вмѣстѣ съ другими, но ихъ вліяніе было случайно и довольно ограничено. Въ то время возникъ первобытный *нигилизмъ*. Онъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ страстной и безпощадной крити-

кой всѣхъ элементовъ европейскаго либерализма. Религія, семья, государство, наука, искусство, соціальныя принципы, свобода, равенство, братство — ничто изъ всего этого онъ не считалъ святынею, не подлежащею критикѣ. Ошибочно утверждали, что нигилисты той эпохи отрицали всѣ эти принципы. Нѣтъ, они не отрицали ничего: они лишь искали того, что есть истиннаго и реальнаго въ этихъ формулахъ. Они были врагами громкихъ словъ. Вполнѣ естественно поэтому, что соціалистическая критика существующаго строя дала имъ лучшее оружіе въ ихъ поискахъ за истиной — поискахъ, дѣлавшихся во имя естественныхъ наукъ и во имя философіи Гегеля; во имя борьбы противъ крѣпостничества и во имя личнаго достоинства; во имя эмансипаціи женщины и во имя долга образованнаго и мыслящаго класса передъ народомъ, который доставилъ ему своими страданіями и своимъ трудомъ всѣ продукты цивилизаціи и мысли.

Ко времени Коммуны и раскола въ Интернаціоналѣ въ Россіи уже не было больше нигилистовъ стараго типа. Истина была найдена. Эта истина называлась социализмомъ. Всѣ нигилисты сдѣлались социалистами. Между русскими либералами и русскими социалистами произошелъ расколъ. Въ это время разногласія въ Интернаціоналѣ отразились также и въ средѣ русскихъ социалистовъ: они раздѣлились на бакунистовъ и марксистовъ. Но эти различія, которыя воз-

буждали въ мірѣ русскихъ эмигрантовъ страстные споры, вызывая враждебныя литературныя теченія, имѣли очень мало значенія въ Россіи. Тамъ переводили и съ увлеченіемъ читали сочиненія Маркса и Лассалья, но въ то же время распространялись и сочиненія Бакунина. Русскіе бакунисты и марксисты, помимо общихъ идей о роли рабочаго класса, помимо совмѣстной проповѣди социализма «въ народѣ», имѣли еще сильнаго и главнаго врага, общаго всѣмъ: императорскій абсолютизмъ. Всѣ социалисты были въ то же время политическими революціонерами; они вынуждены были вмѣстѣ конспиривать и помогать другъ другу въ ежедневной борьбѣ. Настала минута, когда возникла сильная организація, которая централизовала всѣ социалистическія силы для энергичной борьбы противъ бюрократизма; въ нее вошли и социалисты, которые не соглашались во всѣхъ деталяхъ съ программой партіи. Я вполнѣ категорически могу утверждать, что съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени анархизмъ въ своей бакунистской формѣ уже болѣе не существуетъ среди русскихъ социалистовъ. Всѣ признаютъ Карла Маркса учителемъ международнаго социализма. Но существуютъ отѣнки въ вопросахъ, касающихся примѣненія его теоріи къ тому или иному специально русскому вопросу. — Вотъ Вамъ мой отвѣтъ на Вашъ вопросъ о вліяніи Бакунина и Маркса.

5. Вы спрашиваете мое мнѣніе о вопросѣ:

«Повлечетъ ли политическая революція въ Россіи за собой и социальную?»

Слѣдовало бы точнѣе опредѣлить терминъ: «социальная революція». Я не думаю, чтобы въ какой бы то ни было великой цивилизованной странѣ въ настоящее время могла совершиться революція безъ того, чтобы социальный вопросъ въ ней не имѣлъ преобладающаго значенія. Я увѣренъ, что въ какой бы формѣ ни совершилась политическая революція въ Россіи (будь то дворцовый переворотъ, промунципаленто, конституція, продиктованная либералами, или торжество социалистической партіи), партія, одержавшая побѣду, немедленно вынуждена будетъ въ большей или меньшей степени заняться социальнымъ вопросомъ. Но никто не можетъ утверждать, что было возможно или вѣроятно немедленное установленіе социалистическаго режима въ Россіи, что, впрочемъ, вѣрно и для другихъ странъ, гдѣ социалистическія идеи опираются на армію организованныхъ рабочихъ. Это зависитъ отъ массы обстоятельствъ.

6. Я желалъ бы также подробнѣе, чѣмъ это возможно здѣсь, развить мой отвѣтъ на Вашъ вопросъ, который связанъ съ предыдущимъ и который вы мнѣ даже предлагаете два раза въ различной формулировкѣ. Вы спрашиваете: «Должно ли будетъ пройти русское движеніе чрезъ фазисъ политическихъ требованій прежде, чѣмъ коснуться социальнаго вопроса? или же и то, и другое могутъ имѣть мѣсто рядомъ? Наступитъ

ли, другими словами, для Россіи буржуазный 89 годъ?»

Въ настоящее время въ Россіи нѣтъ либеральной оппозиціи въ видѣ организованной партіи, но отдѣльные элементы ея, разсѣянные и изолированные, существуютъ въ большомъ количествѣ. Если бы она имѣла энергію соорганизоваться, то очень возможно, что она попыталась бы устроить другой 1789 годъ. Но въ настоящее время эта оппозиція совершенно деморализована и несмотря на всѣ обиды, которыя наноситъ ей наше правительство, какъ бы побуждая ее къ возмущенію, такъ сказать, помимо ея воли, все-таки мало вѣроятно, чтобы она организовалась въ революціонную партію. Скорѣе наиболѣе рѣшительная натура среди нея вынуждены будутъ индивидуально примкнуть въ качествѣ союзниковъ къ рядамъ организованныхъ социалистовъ, и можно предположить, что попытки будущей революціи совершатся съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ именно подъ преобладающимъ вліяніемъ социалистическихъ идей. Если русскимъ социалистамъ удастся организовать рабочую партію, то вполне естественно, что социальная революція смететъ вмѣстѣ съ бюрократическимъ режимомъ и начала капитализма, еще очень мало развитого у насъ. Подобная же катастрофа, вѣроятно, имѣла бы мѣсто, если бы движеніе могло опереться на обширное крестьянское движеніе. Если же ни то, ни другое изъ двухъ указанныхъ теченій не

будетъ въ состояніи произвести революціи, и если все-таки русскимъ социалистамъ удастся низвергнуть императорскую власть при помощи проунціамента, поддерживаемаго достаточнымъ количествомъ рабочихъ, или какимъ-нибудь другимъ способомъ, — то можно быть увѣреннымъ, — что мѣры, которыя немедленно же будутъ приняты побѣдителями, тѣмъ значительнѣе будутъ проникнуты социалистическими принципами, чѣмъ значительнѣе, по численности, будетъ участіе социалистовъ въ революціонной партіи. Несомнѣнно, что очень трудно предвидѣть ходъ событій во всѣхъ этихъ случаяхъ. Пожалуй, можно было бы даже утверждать, что мы стоимъ передъ непреодолимыми затрудненіями; но исторія даетъ намъ доказательства возможности такихъ фактовъ, которые казались столь же мало вѣроятными для тѣхъ, для которыхъ они еще не были фактами совершившимися.

8. Вы меня извините, что я не могу воздержаться отъ улыбки, читая Вашъ послѣдній вопросъ: «Каково настоящее положеніе нигилизма, его организація, его будущность?»

Вы сами, Милостивый Государь, не можете думать, что я сочту себя въ правѣ отвѣтить на этотъ вопросъ. Пусть считаютъ нигилизмъ умершимъ; пусть думаютъ, что онъ только «уснулъ» или, наконецъ, что «онъ болѣе живучъ, чѣмъ когда-либо», не наше — русскихъ социалистовъ — дѣло говорить объ этомъ. Въ то время какъ Гэды, Либкнехты, Бэрны могутъ открыто за-

щищать свои убѣжденія, мы—конspirаторы по необходимости. Мы *работаемъ* надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать русское движеніе болѣе жизненнымъ, чѣмъ когда-либо. Мы его постараемся разбудить, если оно уснуло. Мы нашли бы, можетъ быть средство воскресить его, если бы оно умерло.

П. Лавровъ.

ПЕСТРЫЯ ЗАБОТЫ И СОЦІАЛИЗМЪ.

(Сказано 14/2 іюня 1899 г.).

Дорогіе товарищи!

Еще разъ благодарю васъ за вашъ горячій и дорогой мнѣ привѣтъ и за то, что вы, среди шумныхъ и тяжелыхъ заботъ дня, все-таки вспомнили старика-товарища, который съ усерднымъ вниманіемъ и съ горячимъ сочувствіемъ слѣдитъ за этими шумными и тяжелыми заботами.

А ихъ много, и онѣ представляютъ пестрое зрѣлище, то заслоняя существенное преходящимъ, но болѣе яркимъ, то выдвигая снова изъ-за вопросовъ и столкновений дня неумирающія историческія задачи.

Кто изъ васъ, прожившій, какъ и я, этотъ годъ въ Парижѣ, не поддавался вліянію того «дѣла», которое наполняло газеты и частныя пренія, побуждая забывать на болѣе или менѣе

долгія «минуты» всё тѣ неумолимыя и неустрашимыя задачи, которыя господствуютъ въ общемъ ходѣ событій современной исторіи?

Кто изъ насъ не волновался эти дни, слѣдя за тѣмъ, какъ въ Auteuil или въ Longchamps на скачкахъ—вообще, какъ я думаю, не особенно васъ интересующихъ—происходили столкновенья бѣлыхъ и красныхъ цвѣтковъ; и за любопытною эволюціею парижской полиціи, безцеремонно и безпристрастно осыпавшей ударами вечеромъ тѣхъ самыхъ социалистовъ и радикаловъ, которые еще утромъ готовы были драться и дѣйствительно дрались за главу буржуазной республики?

Кто изъ насъ не хваталъ съ нетерпѣніемъ вчера и сегодня газеты, чтобы скорѣе узнать, рѣшенъ ли вопросъ о паденіи министерства Дюпюи, и кто рѣшается взять на себя трудную роль быть его преемникомъ?

А сквозь этотъ поверхностный слой сегодняшнихъ насущныхъ вопросовъ Парижа, сегодняшнихъ жгучихъ, но мѣстныхъ заботъ, проглядываетъ для насъ, русскихъ, уже совсѣмъ другое: даже въ бѣглыхъ разговорахъ съ пріятелями французами вамъ приходится, вѣроятно, нерѣдко отвѣчать на повторяющіеся вопросы: что это дѣлается у васъ въ Россіи? Какой дѣйствитель-

ный смыслъ имѣетъ тотъ странный фактъ, что глава этого бюрократическаго и милитарнаго государства, въ эти же самые дни, обращаетъ въ официальное торжество чествованіе писателя, если и не боровшагося въ дѣйствительности противъ абсолютизма, тѣмъ не менѣе провозглашавшаго своимъ идеаломъ «разумъ» и «свободу», идеалъ не очень то гармонирующій съ господствомъ абсолютизма? Да, для многихъ можетъ казаться страннымъ, что бюрократизмъ, — подвергающій тяжелому гнету и литературу, и университеты, изгоняющій изъ нихъ студентовъ и однимъ почеркомъ пера беззастѣнчиво отмѣняющій все реальное значеніе финляндской конституціи, которую онъ обязался охранять, — посылаетъ привѣтственную телеграмму собранію представителей русской науки и литературы, которые по самому существу—даже противъ собственной воли — представляютъ элементъ оппозиціонный бюрократическому произволу. — Какъ ни увлекается тотъ или другой изъ насъ судьбою Дрейфуса или Деруледа, политическими событіями въ палатѣ депутатовъ или на улицахъ Парижа, но всё мы — я увѣренъ въ этомъ—слѣдимъ съ тревожною тоскою за всѣмъ, что совершается у насъ на родинѣ. А какъ только мы произне-

сли это слово, то предъ нами возникает вопросъ уже не студенческой, не финляндской и не дипломатической, а вопросъ еще болѣе громадный, еще болѣе подавляющій,—вопросъ о голодающемъ народѣ, объ ужасахъ массоваго нищенства, массоваго страданія.

Эта пестрая вереница мгновенныхъ и существенныхъ вопросовъ дня получаетъ особенное освѣщеніе и какъ-бы разъясняется для насъ, социалистовъ; а самое сегодняшнее собраніе, на которомъ я выслушалъ вашъ дорогой мнѣ привѣтъ—весьма недостаточно заслуженный мною—позволяетъ мнѣ сказать, что здѣсь собрались преимущественно *соціалисты*. Сквозь уродливое переживаніе антисемитизма и фетишистическаго націонализма, сквозъ жалкіе идеалы милитаризма, сквозъ противорѣчія политическихъ программъ и партій, борющихся за власть, мы, социалисты, во имя нашихъ социалистическихъ принциповъ и убѣжденій, можемъ разглядѣть великую борьбу труда съ капиталомъ, продолжающуюся подъ тысячею разнообразныхъ формъ, подъ сотнею различныхъ знаменъ, подъ десятками сталкивающихся теченій. Для социалиста нѣтъ сомнѣнія, въ какіе ряды ему стать въ общественной битвѣ, когда онъ съ одинаковою подозрительностью смо-

треть на всѣхъ представителей буржуазіи: выборы партіи въ *сегодняшней* борьбѣ обусловливается для него сознанными задачами, выросшими изъ социалистическихъ принциповъ. Для него нѣтъ сомнѣнія, каковъ истинный смыслъ загадочныхъ заботъ русскаго императора о посредническихъ судахъ между государствами—смыслъ, быть можетъ, неполнѣ ясный. Для социалиста вполне понятно, что бюрократія, подавляя, съ одной стороны, всякое проявленіе оппозиціонной мысли—даже тамъ, гдѣ подобная оппозиція хотя бы только возможна—хочетъ передать въ свои руки и распоряженіе пособіями голодающему населенію и даже идейное чествованіе поэта, начавшаго свою дѣятельность «одою свободѣ»; социалистъ можетъ лишь нѣсколько возмущаться тою готовностью, съ которою либеральные кружки русской литературы и науки подчинились безпрепятственно захвату бюрократіею этихъ идейныхъ теченій.

Такимъ образомъ передъ нами нѣсколько словъ вопросовъ и заботъ, взаимно сталкивающихся и взаимно другъ друга заслоняющихъ въ умѣ современнаго русскаго человѣка; но ихъ смущающая воображеніе пестрота и столкновеніе не пугаютъ социалиста. Онъ, *во имя своихъ прин-*

циновъ, становится въ ряды той или другой политической или культурной группы. Онъ съ недовѣріемъ смотритъ на *всѣ* будто бы либеральныя начинанія буржуазіи и бюрократической власти, вооружаясь какъ можетъ и умѣетъ противъ враговъ, съ которыми примиреніе невозможно, и съ которыми борьба — дѣло и сегодняшнее, и завтрашнее. Онъ чувствуетъ умершихъ и живыхъ героевъ дѣла и героевъ мысли, тщательно устраняя сближеніе съ компрометирующими союзниками. Онъ идетъ рядомъ съ буржуа-филантропомъ на скромное, но необходимое дѣло кормленія голодающаго народа, ухода за тифозными и цынготными; или даже на культурное дѣло распространенія школъ и читаленъ. Но эта дѣятельность ни на минуту не заслоняетъ въ его мысли его принципиальную обязанность выступать, когда можно, какъ самостоятельная и энергическая личность въ борьбѣ за лучшее будущее, которое можетъ отвоевать лишь личность самостоятельная и энергическая; его принципиальную обязанность развивать въ себѣ и около себя пониманіе социальныхъ принциповъ, сознаніе борьбы классовъ, подготовленіе великаго момента, когда для русскаго социалиста будетъ возможно выступить не только филантропомъ и культур-

никомъ, не только лѣчителемъ и учителемъ, а организаторомъ народныхъ силъ въ борьбѣ противъ абсолютизма и противъ капитала; солдатомъ народной арміи, опираясь на тотъ жизненный опытъ и на тѣ жизненныя связи съ народомъ, надъ которыми социалистъ работаетъ уже теперь, готовя будущее.

Вы мнѣ принесли, дорогіе товарищи, привѣтъ молодого поколѣнія инвалидовъ прошлаго. Посылаю черезъ васъ привѣтъ всѣмъ тѣмъ, кто, не отказываясь отъ вольнаго и невольнаго участія въ пестрыхъ вопросахъ и заботахъ дня и минуты, готовить въ себѣ и около себя борцовъ за лучшее будущее, какъ для нашего народа, такъ и для всего человѣчества.

